

Андрей **ТОПОРКОВ**, доктор филологических наук

Дитя на выпекании

*Заём Державина
на хлебную лопату сажали*

В автобиографических «Записках» Г. Р. Державина имеется прелюбопытное свидетельство, относящееся к младенческому периоду его жизни. «Записки», в которых поэт писал о себе в третьем лице, начинаются с рассказа о его благородных, но весьма неимущих родителях и о рождении его, которое имело место 3 июля 1743 года в городе Казани или близ него. «Помянутый сын их (то есть сам Г. Р. Державин. — А. Т.) был первый от их брака; в младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что, по тогдашнему в том краю непросвещению и обычаю народному, должно было его запекать в хлеб, дабы получил он сколько-нибудь живости»¹.

В. Л. Боровиковский. Портрет поэта Г. Р. Державина.

Мытье ребенка в корыте по-русски.

Отправление в школу. Литография изд. И. Д. Сытина. Серия «В школе и дома».

Этого эпизода коснулся и В. Ф. Ходасевич в своем жизнеописании Державина. Он отметил, что к младенцу «лечение применялось суровое: по тогдашнему обычаю тех мест запекали ребенка в хлеб. Он не умер»². Ходасевич верно отметил, что лечение было «суровым», а реплика «он не умер» и вовсе имеет двусмысленный характер. Закономерно возникает вопрос: а от чего, собственно, должен был умереть будущий автор «Фелицы» — от того ли, что был он «мал, слаб и худ», или от самого лечения?

Впрочем, и из самих «Записок» Державина, и из текста Ходасевича так и остается неясным, что же именно сделали с младенцем. Понять это позволяет отчасти статья В. Н. Аршинова «О народном лечении в Казанском уезде», опубликованная в 1889 году, то есть почти через полтора столетия после рождения Державина. Автор описывает, в частности, оригинальный способ лечения болезни, называемой в народе «собачья старость»: «Лицо ребенка замазывается тестом, остаются открытыми только нос и рот, сам он привязывается к хлебной лопате, и после того, как посадят хлебы в печь, туда же на несколько мгновений суют и ребенка три раза. При этом приговаривают: «Собачья старость, припекись, припекись в печи!» Этот способ лечения называется «запеканьем»³.

В наиболее общем случае ритуал заключается в том, что грудного ребенка кладут на хлебную лопату и трижды всовывают в теплую печь. Обычно так поступали с младенцами, больными рахитом или атрофией, а согласно народной терминологии — *собачьей старостью* или *сухотами*. В некоторых местах Владимирской губернии «перепекали» всех детей непосредственно после родов.

В России ритуал был известен чрезвычайно широко, хотя и не повсеместно; он фиксировался в центральных, в южных, в северных губерниях, в Поволжье, на Урале, а также в Сибири (Архангельская, Новгородская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Оренбургская, Иркутская, Тобольская, Енисейская губернии). Наиболее распространенное русское название ритуала — *перепекание*, реже встречаются варианты *перепеченье*, *запекание*. В ряде случаев отмечается, что «перепекание» не только не помогало ребенку, но и могло, наоборот, повредить его здоровью. Известны, к сожалению, случаи, когда из-за промедления матери или бабки грудной ребенок сгорал или задохнулся в печи. Некоторые описания содержат поистине душераздирающие подробности, хотя в других, наоборот, отмечается возможный лечебный эффект, обусловленный тем, что ребенок прогревается в печи.

В сообщении одного из корреспондентов конца XIX века акцентируется варварский характер обряда и его драматические последствия: «Утром, когда печь истоплена, больного, хилого ребенка, на котором уже испытали всевозможные сельские лечебные средства, мать привязывает полотенцем к той же лопате, на которой пекут хлебы; лопата вместе с ребенком кладется на шесток. Свекровь или другая родственница становится за дверью в сенях, затем входит в избу и спрашивает мать ребенка: «Что печешь?» — «Собачью немочь!» — отвечает мать и при этом быстро всовывает лопату вместе с ребенком в печь... «Пеки, пеки, да не перепеки», — говорит ей свекровь и с этими словами

выходит из избы, а мать вынимает ребенка из печи на шесток. Тогда свекровь опять входит и опять спрашивает: «Что печешь?» и т. д. Те же приемы повторяются до трех раз; затем задыхающегося от крику и жары ребенка снимают с лопаты». «Нередко случается, — продолжает корреспондент, — что при этом не успеют отвязать ребенка, как он уже умирает». «Знать, ему не жить, — говорят бабы, — а кабы перенес, так стал бы знаешь какой крепкий с этого»⁴.

И тут хотелось бы отметить один немаловажный аспект ритуала: он сопряжен с риском и со смертельной опасностью для ребенка. Это крайняя мера, после применения которой младенец должен или умереть, или выздороветь. В некоторых сообщениях подчеркивается, что к «перепеканию» прибегали после того, как были опробованы уже все другие, менее опасные способы суеверного лечения: «Рахитизм, английская болезнь, называется у бабушек «собачьей старостью». Лечат от нее так: надо принести больного ребенка в баню и привести туда же собаку, затем намазать всего ребенка сметаной и дать собаке слизать сметану, а вместе со сметаной должна перейти к собаке и «собачья старость». Если это не поможет, то надо положить ребенка на пороге и сечь его осторожно топором, приговаривая: «я не ребенка секу, а собачью старость». Потом нужно испечь большой калач, продрнуть в него ребенка и калач отдать собаке, причем с ним передается и собачья старость. Если же все эти меры не помогли (то есть вообще при рахитизме), то надо запеленать ребенка, положить на лопату и всунуть ее в печь, чтобы собачья старость запеклась»⁵. Само название болезни — *собачья старость* — указывает на ее этимологию и подсказывает способ лечения — перенести болезнь на щенка или собаку.

Приведем интересное подробное описание обряда из Орловского уезда Орловской губернии (корреспонденция была прислана в Тенишевский фонд Ф. А. Костиным в 1898 году):

«*Детская сухота*, или *собачья старость*, — это когда младенец бывает худой и все плачет. Собачью старость лечат следующими суеверными средствами: утром, когда затопят печку, то призывают бабу-знахарку, и она берет ребенка, кладет или сажает его на хлебную лопату и до трех раз подводит лопату с ребенком до устьев печки, а мать ребенка идет в сенцы, смотрит в дверь и говорит:

— Бабка, бабка, что делаешь?

— Перепекаю младенца Алексея (или Матрену и т. п.)!

— На что?

— Выгоняю из него собачью старость.

— Перепекай же и выгоняй собачью старость, чтоб не было отрыжки!

Знахарка, еще не снимавши ребенка с лопаты, приказывает поймать щенка и посадить его под плетуху, сзади знахарки. Когда это сделают и щенка посадят под плетуху, тогда знахарка говорит:

— Перепекла младенца Алексея! Выпекла из него собачью старость! На собачью старость дую и плюю, а младенца Алексея целую!

Потом, обратясь задом к младенцу, начинает плевать и дуть на щенка, а потом, обратясь к ребенку, три раза его поцелует. После этого ребенка сажает под плетуху, под которой лежит щенок, и купают его теплою водою, настоянною на соломе (солтому настаивают для этого дела такую, которая лежит на дороге

Жизнь роженицы с новорожденным в бане.

крест-накрест, эту солому собирают и кипятят в воде). Покупавши младенца на плетухе и вытащивши из-под плетухи щенка, знахарка этого щенка выгоняет вон из дому, приговаривая:

— Иди ты, собака, и разнеси свою собачью старость от младенца Алексея по буграм, по лугам, по бугоркам, по пашням, по лесам, по садам, по кустам и по прочим местам, чтобы твоя собачья старость не сушила младенца Алексея и не крушила его отца с матерью!

Потом на младенца надевают свежее белье, а старое, которое на нем было до леченья, сжигают в печке и золу развеют по воздуху воду же, которая осталась от купанья, выливают под печку. Потом бабка берет младенца на руки, подносит его к печке, поднимает три раза вверх и приговаривает: «Будь теперь, мой внучек, со столб вышины, с печь толщины!» После этого передает младенца матери, и лечение кончается»⁶.

Особого внимания в приведенном описании заслуживают диалоги и иные словесные формулы. Ритуал сопровождается диалогом, который произносят баба-знахарка и мать ребенка, причем первая сажает ребенка на лопату и подносит ее к печи, а вторая выходит в сени и говорит, глядя на происходящее через открытую дверь. Диалог включает не три реплики (как это чаще бывает), а пять; соответственно баба дважды объясняет смысл своих действий: «Перепекаю младенца...» и «Выгоняю из него собачью старость». В первом случае действие направлено на самого ребенка, а во втором — на его болезнь. Ритуальный диалог имеет определенную драматургию: сначала мать ребенка задает знахарке вопрос, как бы не понимая, что это такое она делает с ребенком, и разыгрывая из себя постороннего. Ответные реплики знахарки выявля-

ют и закрепляют символический смысл ритуала, а заключительная реплика содержит пожелание, чтобы лечение достигло своей цели.

На Украине ритуал известен на Подолье, в Волинском и Житомирском Полесье, в Киевской, Черниговской и Харьковской областях. Баба-знахарка на рассвете приносила из трех колодцев непочатой воды, замешивала в ней тесто, пекла его и, вынув хлеб из печи, всовывала туда на лопате ребенка. Ритуал, как правило, сопровождался диалогом. Например, в Харьковской губернии в то время, как баба-знахарка сажала ребенка в печь, его мать трижды обходила вокруг хаты, каждый раз заглядывая в окно и спрашивая: «Што ты, бабуся, робышь?» Знахарка отвечала: «Хлеб гнитю!»

Ритуал зафиксирован и в основных источниках по этнографии белорусов. Согласно описанию Н. Я. Никифоровского, мать больного ребенка сажала его на лопату, обмывала водой, которой приглаживали хлеб, и несла к печи, как будто собираясь посадить туда вместе с хлебами, но только клала лопату на припечек; в эту минуту дверь открывала другая женщина и, всплеснув руками, с гневом спрашивала: «Што ты робышь?» — «Ня, ты ня видишь; сущи пяку — во што я роблю!» — «А, сущи! дык пячи, пячи их, каб ни було!» — и другая женщина снимала ребенка с лопаты»⁷.

Несмотря на кажущуюся простоту ритуала, его символика достаточно сложна и многозначна, причем в разных вариантах на первый план выступают то одни, то другие аспекты его смысла. Согласно ряду описаний, главной целью ритуала было сжигание болезни; действия сопровождалась формулами: «Собачья старость, припекись в печи!», «Как хлеб печется, так и собачья старость пекись!» и т. п.

Однако эта мотивировка, осознаваемая и самими

исполнителями ритуала, относится, по-видимому, к поверхностному уровню его семантики. Более глубокий уровень определяется символическим отождествлением ребенка и хлеба, выпечки хлеба и появления ребенка на свет: дитя как бы возвращают в материнское чрево (печь), чтобы оно родилось заново. По сообщению из Керенского уезда Пензенской губернии, «иногда ребенок рождается слишком слабым и сухощавым. Такого младенца, который, по выражению народного, «не допекся в утробе матерней», старухи-знахарки «перепекают» в обыкновенной печке, чтобы сделать его полным и здоровым»⁸. Аналогичные сведения приводит А. Лозинский (большинство его сведений относится к Курганскому округу); рассказ о «запекании» (см. выше) Лозинский заключает словами: «Происхождение этого варварского способа лечения объясняется так: по мнению народа, причина хронического истощения ребенка состоит в том, что ребенок не допекся, не дошел, что он слишком сырой; словом, ребенка сравнивают с хлебом, а потому без всяких колебаний кладут его в русскую печь, рискуя его здоровьем и жизнью»⁹.

Характерно, что обычно ритуал так или иначе соотнесен с изготовлением хлеба в печи; в Казанской губернии лицо ребенка замазывали тестом, так что открытыми оставались только нос и рот¹⁰. В селах Тонез и Стодоличи Лельчицкого района Гомельской области ребенка трижды подносили на лопате к печи, говоря: «Откуль пришло, туды и пошло!»¹¹ По-видимому, формула относится как к самому ребенку, так и к болезни; в первом случае печь отождествляется с женским лоном, во втором — представляется источником болезни.

Основные предметные символы ритуала (сама печь и особенно ее устье, хлебная лопата), а также акциональные символы (засовывание ребенка в печь и вынимание его оттуда) имеют многозначный и даже амбивалентный характер. Печь символизировала не только чрево матери, но и загробный мир, отправление в печь — временную смерть и последующее возрождение в новом качестве. Не случайно в некоторых вариантах ритуала на ребенке разрывали рубашку, как на покойнике, и сжигали ее. Кроме того, печь — это как бы одновременно и путь в иной мир, и само место локализации потустороннего мира. Засовывая ребенка в печь, его отправляют в мир смерти, и в то же время нельзя исключить ассоциацию этого действия с коитусом.

Столь же противоречива и символика огня. Как справедливо отмечает Н. Е. Мазалова, «в этом ритуале огонь выступает не только как средство, уничтожающее болезнь, но и как дарующее новую жизнь»¹². Хворь должна сгореть в печи или же в ней остаться.

Таким образом, помещение ребенка в печь помимо сжигания болезни могло символизировать одновременно: 1) повторное «выпекание» ребенка, уподобленного хлебу, в печи, являющейся обычным местом выпечки хлеба и одновременно символизирующей женское чрево; 2) символическое «допекание» ребенка, «не допеченного» в материнской утробе; 3) временное возвращение ребенка в материнское чрево, символизируемое печью, и его второе рождение; 4) временную смерть ребенка, его пребывание в ином мире, символизируемое печью, и возвращение в этот мир. Амбивалентное значение печи одновременно как символа женского чрева и загробного мира подтвер-

жадется разнообразными восточно-славянскими фольклорными и обрядовыми данными.

Однако смысловой доминантой ритуала является все же символическая связь между выпечкой хлеба и рождением ребенка, характерная в целом для народных представлений восточных славян, ср. украинское «У печурце родився» (о счастливом человеке), русское «Из одной печи, да не одни речи». В Казанской губернии один из способов лечения ребенка, больного «собачьей старостью», заключался в том, что его сажали под квашню, приговаривая: «Как тесто всходит, так на младенце тело всходило бы!» В Слуцком уезде Минской губернии больного ребенка сажали на лопате на припечек, полагая, «што от этого дитя будет здоровое и начнет расти, как в печи хлеб».

Сажание в печь ребенка как средство народной медицины широко использовали многие европейские народы: поляки, словаки, румыны, венгры, литовцы, немцы. Еще Бурхард Вормский (умер в 1025 г.) осуждал немецких женщин, которые для излечения своих детей от лихорадки сажали их в печь. Во многих случаях ребенка засовывали в печь именно на лопате (поляки, немцы, румыны, венгры), причем некоторые польские описания очень близки восточно-славянским, например в Познанском воеводстве при чирьях или сыпи ребенка сажали на лопате в печь «как булку хлеба» и держали там, «пока он не прогреется». Возможно, что какие-то действия, сходные с «перепеканием», имеет в виду и новохеттское предсказание новорожденному, гласящее, что «ребенок пройдет через реку... огонь и [испытание] лопатой».

Ритуал «перепекания» явно коррелирует с известным эпизодом восточно-славянских версий сказки «Мальчик и ведьма». Ребенок (Ивашка, Жихарко, Филюшка и т. д.) попадает в дом к Бабе-яге или ведьме, которая поручает своей дочери изжарить его: «Дочь истопила жарко печку, взяла связала Филюшку и положила на лопату, и только хочет пихнуть его в печку — он упрет да и упрет в чело ногами. «Ты не так, Филюшка!» — сказала дочь Яги-бурой. «Да как же? — говорит Филюшка. — Я не умею». — «Вот как, пусти-ка, я тебя научу!» — и легла на лопату, как надо, а Чуфиль-Филюшка был малый не промах: как вдруг сунет ее в печь и закрыл заслоном крепко-накрепко»¹³. В реальности все происходило, конечно, не так, как в сказке: младенец, которого «запекали» в печи, не мог оказать сопротивления своим лекарям, а безропотно следовал в печь, хотя вряд ли такая манипуляция могла принести ему пользу.

Примечания

1. Державин Г. Р. Избранная проза. М. 1984. С. 25.
2. Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М. 1977. Т. 3. С. 123.
3. Аршинов В. Н. О народном лечении в Казанском уезде // Сборник сведений для изучения крестьянского населения России. Вып. 1. Прил. М. 1889. С. 17.
4. Бирюкович В. Народная медицина // Русская мысль. 1893. № 4. 2-я паг. С. 81–82.
5. Лозинский А. Психология знахарства // Северный вестник. 1896. № 9. С. 143.
6. Российский этнографический музей (Санкт-Петербург) (далее — РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1081. Л. 10–11.

7. Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск. 1897. С. 40.
8. РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1334. Л. 24.
9. Лозинский А. Указ. соч.. С. 143.
10. Аршинов В. Н. Указ. соч. С. 27.
11. Полесский архив Института славяноведения РАН. 1980. Зап. автора.
12. Мазалова Н. Е. Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб. 1995. С. 68.
13. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М. 1985. Т. 1. С. 137.